

ЭО, 2014 г., № 3

© С.С. Пигарь

**ФОРМЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ
САМООРГАНИЗАЦИИ АБХАЗОВ В XVIII–XIX вв.**

Ключевые слова: Абхазия, самоорганизация, традиции, самоуправление, село, община.

В статье рассматриваются формы и принципы самоорганизации населения в традиционном абхазском обществе в последний период его автохтонного развития в XVIII–XIX вв. Ставится задача показать, что основной формой самоорганизации населения Абхазии XVIII–XIX вв. были территориальные всесословные сообщества. Социальной основой такой самоорганизации являлся принцип глубокой взаимозависимости сословий. Эти сообщества служили универсальным механизмом контроля взаимоотношений разнородных социальных сил, обеспечения экономической самостоятельности и безопасности населения на обособленной территории. Как форма самоорганизации, рассматриваемые сообщества в какой-то мере были альтернативой иерархическим государственным институтам, а по своей структуре и выполняемым функциям они более универсальны, чем родовые или феодальные крестьянские общины.

В истории Абхазии XVIII–XIX вв. – это завершающий период существования традиционной самобытной социально-политической структуры, когда присущие ей институты обрели свой окончательный вид. К началу XX в. они в значительной мере были разрушены, утратили актуальность или изменили свои изначальные функции и структуру. Именно этот временной отрезок предоставляет достаточно источников для изучения основных принципов и форм самоорганизации местного населения.

В Абхазии, стране с сугубо аграрной экономикой и абсолютным преобладанием лично независимого крестьянства, село оказалось тем пространством, в котором сложились и эволюционировали формы самоорганизации населения. Достаточно сложной задачей, всегда стоявшей перед абхазоведением, является описание традиционного территориально-политического устройства страны, роли сельских институтов в нем и их иерархии, что до сих пор не было описано в виде целостной системы. Первой причиной тому был продиктованный научной конъюнктурой анализ структуры абхазского традиционного общества в рамках однолинейной модели развития, сводящей процесс эволюции общества к неперемennomу росту классово-вой борьбы и усложнению государственных иерархических институтов. Но уже Ш.Д. Инал-ипа обратил внимание на нетипичный для феодальной крестьянской общины характер сельской самоорганизации абхазов (*Инал-ипа* 1965: 395). Абхазия с ее традициями целенаправленного ограничения неаграрных форм экономической деятельности (например, традиционным взглядом на торговлю как на недостойное занятие), четким сословным делением при слабой имущественной градации общества, множестве институтов, связывающих представителей разных сословий, прочными родовыми связями, сочетавшимися с соседским (т.е. мультиродовым) способом расселения и всесословным характером сельских объединений, плохо вписывалась в эту картину. Вторая причина заключалась в отсутствии четкого представления о разнице в значении терминов, обозначавших

сельские социально-экономические и одновременно территориальные объединения (*акыта*, *ацута* и *ахабла*)¹, обобщенно трактуемые как “деревня” или “село”. Однако деревень как населенных пунктов с четко выраженным центром и сконцентрированным в нем населением Абхазия в поздний период независимого существования (XVIII–XIX вв.) не знала (практиковался исключительно хуторской способ расселения). Причина такого несоответствия в том, что научное изучение этих общественных институтов началось только в XX в., когда “в чистом виде” их уже не существовало, а изначальный смысл указанных терминов был во многом забыт. В результате эти термины стали использоваться для обозначения низовых административно-территориальных единиц.

Прежде чем перейти к определению существовавших в XVIII–XIX вв. форм территориально-политической самоорганизации абхазов, уместно описать географические и социально-политические условия, в которых они складывались и функционировали.

Географические условия на территории Абхазии таковы, что земли, пригодные для обработки и расселения, представляли собой совокупность четко разделенных различными формами рельефа провинций. В горной части страны хребты делят ее территорию на ряд изолированных плодородных долин. Приморская часть ввиду заболоченности прибрежных низин осваивалась автохтонным населением в холмистой предгорной зоне, разделенной крупными реками и отрогами горных массивов. Такие географические условия в сочетании с низким уровнем развития технологии и хозяйства серьезно ослабляли связанность различных частей страны.

Наличие массивов плодородной земли, достаточных для обеспечения высокой экономической самостоятельности в условиях натурального хозяйства (естественно, в сочетании с политической конъюнктурой), позволило этим провинциям стать ядром для образования в XIV–XVII вв. крупных самостоятельных в политическом и экономическом отношении областей Абхазии: Бзыб, Цабал, Абжуа, Самурзакан, Гумаа, Псху, Аибга и др. Сами эти области по степени пригодности для земледелия тоже были внутренне неоднородны (но в гораздо меньшей степени), что накладывало отпечаток на их внутреннее территориальное устройство.

Экономическая состоятельность отдельных лиц и социальных групп определялась размерами и качеством пригодных для возделывания массивов земли, горных пастбищ и участков леса, которые они были в состоянии контролировать. Причем наличие хотя бы в минимальном размере всех трех этих компонентов было обязательным для обеспечения базовых жизненных потребностей. Однако возможность использования этого достояния зависела от способности отстоять его с оружием в руках, что осложнялось тем обстоятельством, что пахотные участки, лесные массивы и водоемы были разделены расстоянием и сложным ландшафтом. Только коллектив людей мог осуществлять такой контроль и защиту, одиночкам эти задачи – не по силам.

Традиционная политическая культура Абхазии характеризовалась, во-первых, развитыми формами родственной, квазиродственной (молочное родство и *аталычество*) и соседской солидарности, обеспечивающей приемлемый для местной культуры уровень защиты личности от основных социальных угроз (разбоа, обнищания, утраты личной свободы), во-вторых, значительной ролью потестарных тенденций. Это означало, что власть в абхазском обществе носила глубоко персонифицированный характер, то есть основывалась не на формально обретенных полномочиях и статусе, а на авторитете, персональных связях и личностных качествах конкретного лица, определявших его возможности как покровителя и военного руководителя.

Важными особенностями сословной структуры абхазского общества были: а) принцип сословного паритета: лидерство знатных сословий в политических объединениях сочеталось с высокой степенью личной свободы рядового “чистого”² крестьянства; б) наличие специфических институтов, обеспечивающих взаимозависимость представителей знатных и незнатных сословий (*аталычество*, различные формы покровительства); в) отсутствие монополии высших сословий на применение насилия.

Эти особенности абхазского социума обуславливали отношения, при которых борьба за власть разворачивалась только среди высших сословий, но сама власть конкретного лица основывалась на связях и популярности среди “чистых” полноправных земледельцев (*анхаю*), составлявших абсолютное большинство населения³. Соответственно во взаимоотношениях знати и рядового крестьянства преобладали такие формы, которые в равной мере обеспечивали взаимовыгодное сотрудничество и одновременно удерживали обе эти социальные группы от чрезмерного усиления. В результате политическая власть реализовывалась завуалировано – в форме покровительства.

Роль родовой солидарности в политической культуре абхазов хорошо иллюстрируется тем, как власть была распределена на местах. Так, безусловное политическое доминирование аристократических родов Чачба (Шервашидзе) в предгорной и равнинной части Абхазии и Амаршан (Маршания) в горной было обусловлено главенством представителей этих или родственных им кланов в определенных областях страны. Причем каждый из них обладал высокой политической и экономической самостоятельностью. Другой важный пример – *анхаю*, усилиями всей фамилии отстаивавшие независимость каждого ее представителя. Иными словами, основой социального статуса отдельного человека в политической культуре абхазов служил социально-политический статус его фамилии, а уже во вторую очередь – его личные качества и авторитет.

Бюрократические институты управления и четко выраженные вассальные отношения в Абхазии XVIII–XIX вв. отсутствовали. Абхазский владетель (*ах* – “глава”) из рода Чачба (Шервашидзе), по сути, являлся живым символом единства абхазского народа, выступавшим в роли объединителя страны, и высшей судебной инстанцией в экстраординарных случаях. Вотчиной владетеля была Бзыбская Абхазия, остальные области равнинно-предгорной части страны (Абжуа, Самурзакан, Гумаа) находились под управлением других, не всегда подчинявшихся владетелю, представителей рода Чачба (Шервашидзе). Во внутренней политической и экономической жизни этих областей владетель участвовал через своих представителей – *ашнахума*, самобытный социально-политический институт. Это была социальная группа, по своим правам и общественным функциям находившаяся в стадии перехода из категории лично свободных крестьян в дворяне. Роль *ашнахума* как политической силы в обществе, а равно ее идентификация в качестве самостоятельного сословия либо профессиональной группы требует отдельного изучения. Горные же области страны фактически обладали полным внутренним самоуправлением. Перед нами предстает страна географически разделенная, состоящая из экономических самостоятельных сообществ, чья социально-политическая организация характеризуется глубокой взаимозависимостью сословий и слабой властью владетеля на местах.

Территориальная самоорганизация абхазов отражала принципы расселения и освоения земли, эволюционируя в соответствии с процессами формирования единого абхазского народа и его политической культуры. Так, для середины I тысячелетия н.э. – периода разделенности на отдельные родственные абхазоязычные племена – характерной формой поселений в Западной Колхиде были родовые поселки в виде плотно сгруппированных вокруг укрепленного центра (крепости) жилищ и подконтрольной территории в радиусе нескольких километров (Воронов 2002: 336). Объединение племен в последней четверти I тысячелетия н.э. в единый абхазский народ, закончившееся образованием единого Абхазского царства – это время перехода к хуторскому типу расселения (Там же: 349). Крестьянские усадьбы более или менее равномерно распределялись по территории, образуя небольшие скопления в соответствии с расположением пригодных для земледелия массивов земли. Видимо, тогда и начинает обретать свой окончательный вид *ахабла-ацута* – соседская крестьянская община с численным преобладанием (не абсолютным) семей одной фамилии, то есть патронимии. В 1866 г. А.П. Черепов писал о лично независимых крестьянах (*анхаю*):

“Живут они большей частью целым родом, состоящим из 50 и более семейств” (Черепов 2012: 163). На изначально родовой тип многих таких общин указывают их названия, производные от имени рода (*Инал-ута* 1965: 397). Полный переход абхазской общины от родового типа к соседскому в XIX в. не был завершен. Это проявлялось даже не столько в численном преобладании среди ее членов представителей одной фамилии, что скорее указывает на демографический рост, сколько в существовании особенной категории жителей общины *ахабла-ацута* – “гостей” (*асас*). Это были переселенцы (или их потомки) из других областей страны, пришедшие на территорию общины позже ее основателей. В первое время после переселения они пользовались всеми благами гостеприимства (материальной помощью и защитой) со стороны общины. Но даже если со временем они и становились ее рядовыми членами, формальный статус “гостей” мог сохраняться даже в течение жизни нескольких поколений. Согласно А.П. Черепову, “Нет общины, в которой бы не было нескольких, иногда десятков асасов и даже целых родов, проживающих по два, по три поколения, с сохранением прав, классу этому принадлежащих... с него никто ничего не берет и брать не смеет, он пользуется защитой наравне с прочими общинниками и сам участвует в... защите союза. За оскорбление асаса мстит не только лицо, под чьим покровительством находится асас, но весь род покровителя и даже вся община. Асасы бывают всех сословий...” (Черепов 2012: 170).

Именно на уровне *ахабла-ацута* осуществлялась основная форма трудовой крестьянской кооперации – *кьвараз* (*Инал-ута* 1965: 399). Это демонстрирует роль *ахабла-ацута* как первичной формы экономической и территориальной самоорганизации населения Абхазии.

Таким образом, базовой единицей территориальной самоорганизации населения Абхазии была соседская община лично свободных крестьян *ахабла-ацута*. Ядром ее служила одна патронимическая группа, помимо которой в общине проживали семьи, относящиеся к пришлым фамилиям. В то же время отсутствие чисто родовых поселений и развитая практика переселения (“асасство”) говорит о том, что в XVIII–XIX вв. *ахабла-ацута* являлась в большей мере территориальной формой самоорганизации, чем родовой.

Социальную основу общины составляли лично свободные крестьяне (*анхаю*), а также лично зависимые (*амацуразку*) и рабы (*ахую*, *ахацала*). Представители знатных родов могли составлять основу определенной *ахабла-ацута* либо проживали в общинах отдельными семьями. Нередкими были общины, в которых вообще отсутствовали представители знати.

До сего дня в Бзыбской и Абжуйской Абхазии структура населенных пунктов отражает традиционную систему, при которой совокупность нескольких соседских общин *ахабла-ацута* образует более крупный территориальный организм – *акыта*. В XX в., когда местные традиционные формы территориально-политической организации исчезли или были заменены государственной административной системой, этот понятие было приравнено к «деревне», в то время как в действительности прямая аналогия с деревнями в данном случае невозможна в силу хуторского принципа расселения в традиционной Абхазии. Дистанция между усадьбами одной соседской общины измерялась сотнями метров, а между общинами, относящимися к одному *акыта*, – километрами (во многих местах и сегодня). По численности же дворов понятию «деревня» более соответствует *ахабла-ацута*, в которой их может быть до нескольких десятков.

Описывающие социально-политическое устройство и поземельные отношения в Абхазии источники, составленные в 1860–1870-х гг. (Черепов 2012: 154–171; Кольяр 2012а: 172–177; Краевич 2012: 533–550; Старосельский, Воронов 2012: 551–569), практически в один голос говорят о том, что основной ячейкой социально-политического и территориального устройства страны были объединения нескольких различных по фамильному и сословному составу населения соседских общин. Согласно

Д. Краевичу: “Основанием общественного устройства страны служили союзы, на которые делилась вся страна и которые в отношении к правительственной власти представляли как бы административные единицы. Основую образования союзов служили... анархическое состояние общества и стремление, вследствие того, найти какое-либо обеспечение для своих личных и имущественных прав. (...) Самое естественное разрешение вопроса о безопасности при отсутствии правительственной власти лежало в соединении населения данной местности, для ограждения совокупными силами своих прав от покушений извне и в принятии каждым жителем таковой местности известных обязательств в отношении других членов... общины” (Краевич 2012: 535). Это подтверждают Д.С. Старосельский и Н.И. Воронов: “При слабости владетельской власти, население... стремилось к ограждению своих прав и к ограждению внутренней и внешней безопасности посредством соединения жителей в союзы, или общины (акыта), жившие своей особой внутренней жизнью” (Старосельский, Воронов 2012: 551).

Итак, в территориальном отношении *акыта* являлись оборонительными объединениями нескольких соседских общин (*ахабла-ацута*), призванными обеспечить сохранность и использование всех видов природных ресурсов и имущества жителей на землях этих объединений. Неслучайно именно военная повинность была единственной обязанностью, в равной мере относящейся ко всем членам *акыта* вне зависимости от статуса и сословного происхождения, что обусловило их главное отличие как от местных соседских общин *ахабла-ацута*, так и от крестьянских общин – универсальный, сословно-равный характер *акыта*. Такая особенность превращала институт *акыта* из сугубо территориальной формы самоорганизации населения в нечто большее.

Как объединение, обладающее внутренним самоуправлением, помимо схода всех жителей по наиболее важным вопросам, оно нуждалось в некоей властной инстанции, которая бы олицетворяла и постоянно воплощала на практике экономическое, социальное и политическое единство сообщества “акыта”. Такой инстанцией стал институт главы (*ахылапшыю*), в отношении которого население сообщества *акыта* имело статус “покровительствуемого” (*хитшы*): “Ахылапшыю... есть принадлежность каждой общины (*акыта*). Звание это в некоторых фамилиях составляет родовую принадлежность и само собой всегда переходило в руки одного из многих не по старшинству, а по личному достоинству... Считаюсь первым между равными, *ахылапшыю* собирал сходки (*айбарбара*) для обсуждения мер к сохранению союза (*ажелар*)... принимал участие в устранении несогласий между хипшы, предводительствовал в набегах, когда обстоятельства требовали действий сообща, ходатайствовал перед владельцем о назначении народного суда по делам кровной мести и т. п.” (Чернов 2012: 159). Власть *ахылапшыю* соответствовала сословному характеру *акыта*: все проживающие на ее территории, вне зависимости от сословной принадлежности и статуса (не исключая и гостей), находились под его защитой и властью (Там же: 160). Такой сословно-равный принцип действовал внутри сообщества: любой *ахылапшыю*, находясь на территории чужого сообщества – *акыта* сам попадал в категорию покровительствуемых. В зависимости от сословной принадлежности, влияния своей фамилии и принятых в рамках сообщества норм его члены (то есть “покровительствуемые”) несли большие или меньшие повинности в отношении главы сообщества: отдавали ту или иную часть урожая, продуктов животноводства, выполняли в его пользу работы или поручения. Повинности эти облекались в форму добровольных услуг (а зачастую и были таковыми). Их характер и объем не был строго фиксированным, а разнился в каждом конкретном случае.

Зачастую “чистые” крестьяне (*анхаю*), опираясь на авторитет и многочисленность своей патронимической группы в *акыта*, отказывались от несения каких-либо повинностей в пользу главы сообщества (Краевич 2012: 545), а в некоторых областях, как например Цабале, повинностей вовсе не было (Корганов 2012: 314). В наименее экономически развитых горных районах страны это объясняется слабостью и не-

зрелостью института главы сообщества (*Лисовский* 2008: 233; *Корганов* 2012: 313). С другой стороны, именно влияние, многочисленность и давность проживания представителей какого-либо знатного рода в сообществе служили важнейшими предпосылками к обретению одним из них статуса его главы-покровителя. Это яркий пример двоякой роли родовой солидарности в структуре сообщества: служба одной из основ власти *ахылапшиюу*, эта же солидарность, но уже в среде лично свободных крестьян, была одним из факторов, ограничивающих его власть.

Вообще же в структуре *акыта* отчетливо проявились причины, по которым власть в абхазском обществе принимала завуалированную форму покровительства и на практике реализовывался принцип сословного паритета. Власть глав-покровителей сообществ, основанная на личном авторитете, влиянии и силе их фамилий, потребности населения в военном руководстве, а зачастую и на связях с самим владельцем, уравновешивалась целым комплексом различных социально-политических институтов и явлений. Родовая солидарность в среде крестьянства была лишь одним (хотя и очень важным) из них. Какого-либо способа превращения земельного фонда сообщества и статуса его главы-покровителя в неотчуждаемые не существовало. Отсутствовала и монополия высших сословий и *ахылапшиюу* на насилие. Наиболее важные вопросы в жизни *акыта* решались не единолично главой, а общим собранием ее дееспособного лично свободного мужского населения. Родственные и квазиродственные (*аталычество* и молочное родство) связи, долг гостеприимства и соседской взаимопомощи, роль общественного мнения – все это порождало между членами *акыта*, неравными в сословном отношении и влиянии, отношения глубокой взаимозависимости. Как отмечали Д. Старосельский и Н. Воронов, “влияние и значение каждой фамилии находились в прямом отношении с силою покровительствуемой ею общины (*акыта*. – С.П.). Чем община сильнее, многочисленнее, тем легче было покровителю (*ахылапшиюу*) исполнять лежащие на нем обязанности” (*Старосельский, Воронов* 2012: 553). Такая ситуация приводила к обоюдной заинтересованности как покровителей, так и покровительствуемых в росте его влияния и силы: “Пользовавшихся известностью *ахылапшиюу* признавали патронами нередко многие общины... В таких связях обе стороны находили свою долю выгод: *ахылапшиюу* увеличивали влияние на дела края числом общин, состоявших под их покровительством, готовых во всякое время поддержать... силой оружия, а *хипшы* (покровительствуемые. – С.П.) в нравственном влиянии и той силе, какую располагали патроны для охранения безопасности каждого союза (*акыта*. – С.П.)” (*Черепов* 2012: 160). Платой за такую взаимозависимость было участие населения сообществ в личной вражде глав-покровителей с кем-либо. Порой это оборачивалось гибелью значительной их части (*Рыбинский* 1894: 20; *Немирович-Данченко* 1897: 225).

В зависимости от того, кто выполнял роль главы-покровителя, все сообщества делились на два типа. Чаще всего данным статусом обладал представитель наиболее сильной и авторитетной патронимической группы знатного происхождения, входящей в *акыта*. Другой тип был представлен сообществами, находящимися под покровительством лица, наиболее могущественного в том регионе страны, где располагались такие сообщества. В роли таковых выступали представители княжеских фамилий Чачба (Шервашидзе) и Амаршан (Маршания). Для решения текущих дел в таких *акыта* князя назначали своих представителей из дворян (*Пахомов* 2012: 513), которые со временем, достаточно утвердившись в сообществе, могли претендовать на статус *ахылапшиюу* и пытаться избавиться от опеки князя (Там же: 478, 498).

Пахотные земли на территории сообщества находились в частном владении, которое было легитимировано, по сути, вложением в них труда, – их расчисткой и распашкой. Остальное полезное в хозяйственном отношении достояние сообщества – лес, водоемы и пастбища находились в общем пользовании у его жителей (*Инал-ута* 1965: 387–395).

Права главы сообщества на природные ресурсы, относящиеся к *акыта*, являются частью более обширного, сложного и не до конца изученного вопроса о поземельных отношениях в период до упразднения Абхазского княжества (1864 г.). Отсутствие четкого представления о них стали одним из основных факторов, осложнявших отношения имперской русской администрации с местным населением на всем протяжении XIX в. и приведших к восстанию 1866 г. При существующих в Абхазии экономических отношениях не владение землей само по себе, а сословное происхождение и личное влияние служили основой социального статуса человека. Так, в ходе крестьянской реформы 1860-х гг. администрация Сухумского военного округа стала собирать сведения о существовавших поземельных отношениях. Некоторые дворяне и представители владетеля (*ашнахума*) попытались представить временно используемые ими земли, относившиеся к тем сообществам (*акыта*), членами которых они являлись, как неотчуждаемые землевладения. Общество презрительно высмеяло их, назвав “лесными” и “болотными” дворянами, тем самым подчеркнув, что право на землю не является источником общественного статуса. В то же время, поземельные отношения в стране были далеки от идеальных. Проявлялась значительная роль потестарных тенденций в общественной жизни абхазов, что дало основание Г. Рыбинскому в конце XIX в. написать: “...кто сильнее, тот и большим и лучшим участком владеет” (*Рыбинский* 1894: 17). На протяжении всего XIX в. возрастало стремление знати в целом и глав-покровителей сообществ присваивать их достояние, прежде всего – леса (использовавшиеся как источник шедшей на продажу древесины и охотничьи угодья), а также пастбища. Борьба рядовых жителей сообществ против этого привела к появлению специального института хранителей земельного и лесного фонда (*Джанашиа* 1902). Проведение поземельной реформы в 1870 г. изменило ситуацию в худшую для крестьянства сторону, резко ограничив доступные им хозяйственные ресурсы рамками частных землевладений.

В то же время, описываемые отношения взаимозависимости покровителей и покровительствуемых не могли бы стать таковыми, в случае, если бы высокая степень свободы рядового крестьянства, основанная на родовой солидарности и взаимных личных обязательствах, не уравновешивалась механизмами, укреплявшими власть покровителей. Традиционная монополия высших сословий на этот статус и помощь рода, естественно, не ликвидировали процесс борьбы за власть, а ограничивали ее масштабы рамками сословия и фамилий, ослабляя и разрушая их. Это прекрасно демонстрирует история борьбы князей Амарщан (Маршания) между собой за власть над областью Цабал в 60-х гг. XIX в. Поэтому представители знати, в том числе главы-покровители сообществ, практиковали покровительство над членами других *акыта*, расположенных в разных частях страны. Это одновременно усиливало их собственное влияние и неизбежно ослабляло власть других глав-покровителей. В наиболее развитом виде такое покровительство воплотилось в феодальном институте княжеских представителей – *ашнахума*, проживавших практически в каждом сообществе.

Таким образом, в структуре сообщества *акыта* проявилась особенность абхазского традиционного общества: переплетение различных форм покровительства, взаимозависимости, двусторонних социальных связей, складывавшихся в сложную систему равновесия и кооперации разных социальных сил. Это значительно сглаживало острые противоречия социального характера и максимально замедляло процесс классового расслоения общества. На эту особенность обратил внимание еще в 1866 г. А. Черепов, писавший: “Сочетание этих двух начал – демократического и аристократического – в обществе, только что рождавшемся для гражданственности, положило самые разнообразные и запутанные формы общественных состояний и отношений...” (*Черепов* 2012: 156). Думается, не случайно автор использует здесь термин “гражданственность”. Хотя применительно к абхазскому традиционному обществу он не совсем

точен, но передает суть *акыта* как социального феномена, в основе которого лежало представление о жизненном устройстве свободного земледельца – *анхаю*: “Сословие *анхаю* в Абхазии...составляет, как по численности, так и по своим отношениям, основное население страны, главную силу и сущность покровительствуемого элемента каждой общины (союза) ... С понятием *анхаю* соединяется представление о свободном человеке, пользующемся в полной мере своими личными и имущественными правами” (Краевич 2012: 538, 545). Представители этого сословия обладали полной свободой перемещения и, как уже говорилось, правом на применение оружия, подтвержденным традициями. Мнение большинства *анхаю* было определяющим в общем собрании *акыта*, созывавшемся для решения наиболее важных вопросов жизни общины.

Итак, структурной основой сообщества *акыта* служила система взаимозависимости его знатной верхушки и основной массы полноправных крестьян, в равной мере и смягчающая противоречия между ними, и ограничивающая степень свободы каждой из сторон. К сожалению, скудность имеющейся информации не позволяет развернуто реконструировать процесс эволюции *акыта* и установить всю совокупность причин, по которым она обрела описанную структуру. Можно лишь попытаться наметить общие контуры этого процесса. Переход населения Абхазии к хуторскому типу расселения в последней четверти I тысячелетия н.э. был началом процесса формирования института “*акыта*”. В XI–XIV вв. структура сельских сообществ обретает черты, более свойственные феодальному владению. В Абхазии идет присущий этапу феодальной раздробленности процесс “озамкования”, знаменующийся появлением в каждом сообществе четко выраженного политического центра в виде близко расположенных крепости феодала, храма и расчищенного поля для общего собрания жителей. Даже в наши дни в наиболее старых *акыта*, таких как Лыхны, Абгархук, Тамыш и др. сохранились подобные центры. При этом начиная с конца VIII в. непрерывные войны, которые вело Абхазское царство за господство в Грузии, должны были вызвать значительный отток из страны наиболее активной части мужского населения, прежде всего из знатных сословий. Итогом стала утрата значительной частью абхазской знати своих этнических корней и принятие грузинской культуры и языка (Меликишвили 1959: 135). Оба эти фактора, особенно последний, неизбежно должны были ослабить мощь знати как социальной силы и повысить статус больших патриархальных крестьянских родов (*анхаю*), сохранивших и впоследствии (вплоть до наших дней) всегда подчеркивавших свою роль хранителей этнической самобытности абхазского народа. XV–XVII вв. – период активного вмешательства гегуэзцев, турок и западногрузинских княжеств во внутреннюю жизнь страны, ознаменованный распространением работоторговли, междоусобиц и грабительских нападений иноземцев, когда физическое выживание становится для населения Абхазии главной задачей. С одной стороны, это приводит к консолидации больших патриархальных семей и временному возвращению соседских общин (*ахабла-ацута*) от хуторской формы расселения к более ранней, характерной для середины I тысячелетия н. э., когда имели место схожие проблемы во внутренней жизни страны. В середине XVII в. А. Ламберти пишет об абхазах: “Они не живут ни в городах, ни в башнях, но 15 или 20 семейств соединяются вместе и, выбрав вершину какого-нибудь холма, ставят на ней хижины и окружают их плетнем и глубокими рвами. Так поступают они для того, чтобы не подвергаться нападению даже туземцев” (Ламберти 1877). В основном захват и продажу в рабство практиковала знать, следовательно, такая консолидация населения была направлена в том числе на ограничение произвола знати. В то же время побывавший в Абхазии в 1641 г. Евлия Челеби в качестве названий местных территориальных групп перечисляет наименования крупных знатных фамилий, правящих в них: Чачба, Цанба, Гечьба и др. (Брун 1875), что говорит о формировании описанного выше института глав-покровителей территориальных сообществ. Можно считать, что именно в это время оформляется

институт *акыта* как оборонительный союз, основанный на сотрудничестве лично свободного крестьянства, нуждающегося в территориальной консолидации, и знати, ищущей социальную опору своей власти. Причем силовой паритет этих двух социальных сил был неременным условием существования территориальных сообществ-*акыта*. В каком-то смысле структура *акыта* отражала результат социальной борьбы высших и низших сословий абхазского традиционного общества, смягченной, если не сказать законсервированной на определенном этапе развития этого общества, что в большей мере было в интересах лично свободных крестьян – анхаю. На это указывает факт их возвращения в XVIII в. к хуторскому способу расселения, означавший оформление достаточно эффективной системы обеспечения его безопасности. То, насколько сильно, по канонам абхазского общества, социальный статус знати зависел от поддержки со стороны *анхаю*, демонстрирует практика переселения: неспособность знатной семьи при переходе на другое место жительства увлечь за собой своих покровительствуемых и лично зависимых автоматически влекла за собой утрату этого статуса (*Инал-ипа* 2002: 156–157). Присоединение страны к Российской империи, сопровождавшееся государственной поддержкой знатных сословий, внедрением института частного землевладения и распространением товарно-денежных отношений, разрушили эту сбалансированную систему, в целом ухудшив положение *анхаю*.

Группы соседствующих *акыта*, расположенных на географически обособленных территориях, служили основой территориальных объединений более высокого порядка – областей страны. Они отличались особенностями диалекта, наличием внутренних политических договоренностей между входящими в них сообществами – *акыта* (*Коньяр* 2012b: 179) и доминирующей патронимической группой княжеского рода, которая осуществляла покровительство над наибольшим количеством *акыта*, относящихся к данной области. Обособление каждой такой области основывалось на преобладании какого-либо из этих факторов. Например, Цабал и Псху сформировались, прежде всего, как территории, отделенные от остальной страны горными хребтами, а область Самурзакан была фактически искусственно создана на основе восточной части Абжуйской Абхазии как отдельный феодальный удел в XVII в. Лишь затем, в XIX в., под влиянием переселенцев из Грузии этнический состав и быт местного населения обрели локальные отличия от той части страны, из которой Самурзакан был выделен.

Затруднительно рассматривать эти области как целостные политические организмы. Вряд ли можно утверждать, что какая-либо из этих областей в исторических событиях XVIII–XIX вв. выступала в роли целостного субъекта политических отношений, обладающего руководящим центром и сформулированной политической линией. Даже в столь масштабном для Абхазии событии, как восстание 1866 г., население вовлеченных в него областей не смогло выступить единым фронтом (*Дзидзария* 1990: 63, 85). В роли субъектов политических отношений в масштабах страны могли выступать только наиболее могущественные князья-покровители, а в масштабах отдельной области, по-видимому, описанные сообщества *акыта*.

Подводя итог, можно говорить, что основной формой самоорганизации населения Абхазии XVIII–XIX вв. было территориальное всесословное сообщество (*акыта*) соседских сельских общин (*ахабла-ацута*). Социальные отношения в таком сообществе основывались на глубокой взаимозависимости сословий, в результате чего властные отношения внутри него облекались в форму покровительства его глав (*ахылатишю*) над рядовыми членами сообщества (*хипшы*). Среди последних преобладало лично свободное крестьянство, которое делегировало главе-покровителю полномочия по организации безопасности сообщества в обмен на поддержку его властных притязаний, одновременно сдерживая эти притязания внутри сообщества с помощью институтов родовой солидарности, покровительства и традиционных форм взаимных личных обязательств. Организация власти внутри сообщества *акыта* не была отделена от насе-

ления и в определенной степени строилась на принципе родства, что характеризует ее как догосударственную форму самоорганизации. В то же время это был надродовой всеобщий механизм контроля взаимоотношений разнородных социальных сил, обеспечения экономической самостоятельности и безопасности населения на обособленной территории. Налицо несводимость свойств *акыта* как целого к сумме свойств входящих в него родовых, аристократических и эгалитарных институтов, которые не столько противостояли, сколько дополняли друг друга. В результате складывалась форма самоорганизации населения, в какой-то мере альтернативная иерархическим государственным институтам и в то же время более универсальная по своей структуре и функциям, чем родовая или феодальная крестьянская община.

Рассмотрение вопроса о формах и принципах самоорганизации населения Абхазии XVIII–XIX вв. в известной мере затруднено скудностью данных, что не позволяет должным образом осветить все его аспекты. Данная работа не претендует на исчерпывающее освещение указанной темы и призвана обратить внимание на необходимость дальнейшего изучения описанного социо-культурного феномена.

Примечания

¹ Этимология этих терминов остается до конца не ясной и требует дополнительного изучения.

² В абхазской социальной терминологии “чистое” крестьянство – это совокупность наиболее самостоятельных в социальном плане незнатных фамилий чисто абхазского происхождения, достойных считаться хранителями народных традиций. Наиболее многочисленные и авторитетные из этих фамилий не признавали за собой каких-либо формальных обязательств в отношении знати и покровителей сообществ.

³ В 1868 г. население Сухумского отдела (т.е. Абхазии) насчитывало 66 000 чел. Из них 46 000 чел. относилось к сословию *анхаю* (Сведения о туземном населении 1868: 18).

Литература

- Брун 1875 – Брун Ф. Путешествие турецкого туриста вдоль по восточному берегу Черного моря // Записки Одесского общества истории и древностей. 1875. Т. 9. С. 162–182.
- Воронов 2002 – Воронов Ю.Н. Археологические древности и памятники Абхазии // Проблемы истории, филологии и культуры. 2002. Вып. XII. С. 334–362.
- Джанашиа 1902 – Джанашиа Н. Кое-что из быта Абхазии // Иверия. 1902. № 109 (на грузинском языке).
- Дзидзария 1990 – Дзидзария Г.А. Труды. Т. III. Сухуми: Алашара, 1990.
- Инал-ипа 1965 – Инал-ипа Ш.Д. Абхазы. Сухуми: Алашара, 1965.
- Инал-ипа 2002 – Инал-ипа Ш. Д. Антропонимия абхазов. Майкоп, 2002.
- Корганов 2012 – Записка капитана-лейтенанта Корганова “Сведения о взаимных отношениях цебельдинского населения”. 1866 г. // Материалы по истории Абхазии XIX в. Т. III. Сухум, 2012. С. 311–315.
- Коньяр 2012а – Докладная записка начальника Сухумского военного отдела полковника В.М. Коньяра кутаисскому генерал-губернатору Д.И. Святополк-Мирскому о поземельных отношениях в Абхазии. 1866 г. // Материалы по истории Абхазии XIX в. Т. III. Сухум, 2012. С. 172–177.
- Коньяр 2012б – Рапорт начальника Сухумского военного отдела полковника В. М. Коньяра кутаисскому генерал-губернатору Д. И. Святополк-Мирскому. 1866 г. // Материалы по истории Абхазии XIX в. Т. III. Сухум, 2012. С. 178–181.
- Краевич 2012 – Краевич П.Д. Очерк устройства общественно-политического быта Абхазии и Самурзакани. 1869 г. // Материалы по истории Абхазии XIX в. Т. III. Сухум, 2012. С. 533–550.
- Ламберти 1877 – Описание Колхиды или Мингрелии, о Ламберти, миссионера Конгрегации для распространения христианской веры // Записки Одесского общества истории и древностей. 1877. Т. X. (w.w.w.apsnyteka.org)

- Лисовский* 2012 – Из докладной записки цебельдинского пристава Ф.Я. Лисовского полк. Катенину о Псху и его жителях. 1838 г. // Материалы по истории Абхазии XIX в. Т. I. Сухум, 2008. С. 232–235.
- Меликишвили* 1959 – *Меликишвили Г. А.* К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959.
- Немирович-Данченко* 1897 – *Немирович-Данченко В.В.* Море. Абхазское поморье. М., 1897.
- Пахомов* 2012 – Объяснительная записка управляющего имениями Г.Д. Чачба-Шервашидзе губернского секретаря *А.В. Пахомова* в сухумскую поземельную комиссию. 1868 г. // Материалы по истории Абхазии XIX в. Т. III. Сухум, 2012. С. 415–514.
- Рыбинский* 1894 – *Рыбинский Г.А.* Абхазия в сельскохозяйственном и бытовом отношении. Тифлис, 1894.
- Сведения о туземном населении 1868 – Сведения о туземном населении Сухумского отдела 1868 г. // Сборник статистических сведений о Кавказе. Т. I. Тифлис, 1869. С. 18–19.
- Старосельский, Воронов* 2012 – *Старосельский Д.С. Воронов Н. И.* Краткая записка о сословно-поземельных отношениях в Абхазии и Самурзакани. 1870 г. // Материалы по истории Абхазии XIX в. Т. III. Сухум, 2012. С. 551–569.
- Черепов* 2012 – Краткие заметки тит. сов. А.П. Черепова о сословиях и взаимных отношениях жителей Бзыбского округа Абхазии. 1866 г. // Материалы по истории Абхазии XIX в. Т. III. Сухум, 2012. С. 154–171.

S.S. P i g a r. Forms of Territorial-Political Self-Organization of the Abkhaz in the 18th – 19th Centuries

Keywords: Abkhazia, self-organization, traditions, self-governing, village, community

The article discusses the forms and principles of self-organization of people in the traditional Abkhaz society during the last period of its development in the 18th–19th centuries. The goal of the article is to argue that the main form of self-organization consisted in the associations of neighbor village communities. At its core there lay the principle of profound interdependence of social strata, which functioned as a mechanism controlling relationships between various social forces. This particular form of self-organization, being an alternative to hierarchical state institutions, carried a more universal structure and set of functions, as compared to either the kin or feudal peasant community